

Диана Гурцкая:

Я вижу!

Диана никуда не ходит одна, за ее спиной постоянно маячит группа поддержки из солидных и основательных мужчин — продюсера, директора, музыкантов... Видимо, профилактическая, превентивная мера. Чтобы ни у кого даже мысли не возникло обидеть их подопечную. Впрочем, при всей хрупкости Гурцкая отнюдь не производит впечатления слабой и беззащитной.

Туркменбаши — с любовью

— Как поживает Туркменбаши, Диана?
— Надеюсь, хорошо, но мы пока не встречались.
— Однако, слышал, собираетесь.

— Понимаю, к чему клоните. Да, я публично поздравила президента Туркменистана с выходом книги «Рухнама», сказала, что получила большое удовольствие от прочитанного и готова приехать на презентацию второго тома. Почему-то мои слова вызвали оживленную реакцию в российской прессе.

— А то не догадываетесь! К предводителю всех туркмен отношение здесь давно вполне определенное.

— Знаете, это называется ханжеством. Нельзя с европейскими стандартами подходить к жизненному укладу Востока. Азия есть Азия, и не нам ее переделывать. Нужно уважать чужую культуру, а не насмехаться над ней. В конце концов, в Туркмени люди бесплатно пользуются жильем, светом, газом, водой. Разве это плохо? Давайте сначала у себя в стране добьемся подобного и уже потом будем учить жить других. Это Москва сверкает огнями, здесь на каждом шагу шикарный ресторан или бутик. Посежайте в глубинку и посмотрите, как там русский народ проживает...

— Что касается «Рухнамы», то много всякого слышала о книге, вот и захотела составить собственное мнение.

— Произведение Низова издано для слепых?
— Еще только делают перевод по Брайлю на русский язык, поэтому первый том пришлось воспринимать на слух. Цитировать по памяти вряд ли смогу, но книга действительно любопытная. Вообще люблю читать! Это же совершенно другой мир, где могут бродить одна, без сопровождающих. Неужели не понимаете, насколько это интересно и важно для меня? Вчера открывала для себя «Рухнаму», сегодня — «Коллекционера», завтра — что-нибудь еще... От Туркменбаши лично мне ничего не нужно, не ищите в моем поведении расчёта или конъюнктуры. Я ведь не политик, а артист, не умею красиво рассуждать на высокие темы или выставлять оценки государственным деятелям. Мне понравилась книга, честно сказала об этом. Вот и все.

— Ладно, задам вопрос артистке. О событиях в Беслане вы, Диана, без сомнения, слышали?
— Это было ужасно! Дни и ночи напролет слушала новости, представляла себе несчастных матерей, детей и не могла сдержать слез. Казалось, что и меня взяли в заложники...

— Однако переживания не помешали вам в день официального объявления по стране траура выйти на сцену московского казино и дать концерт. Развлекательные мероприятия повсеместно были отменены, лишь несколько артистов «отличились». Вы в их числе.

— Никому не пожелала бы таких выступлений, как у меня в тот вечер! Камень лежал на сердце. Всегда иду к зрителям с подъемом и радостью, а тут насильно гнала себя, внутри все протестовало. Исполнила песни Владимира Высоцкого, еще несколько композиций и совершенно мертвая вернулась в гримерку. Поверьте, с самого начала хотела отказаться от концерта, в первую минуту сказала, что не буду, не смогу петь, но мой продюсер...

— ...он же — старший брат Роберт.
— Ну да... Словом, продюсер попытался убедить организаторов отменить программу, однако они напомнили о взятых обязательствах, о том, что пренебрегать ими нельзя... Формально мой закон не нарушили, концерт начался в час ночи, когда траур уже сняли, но, повторяю, в душе у меня творилось нечто ужасное. Я ведь выросла на Кавказе, где чувство сострадания очень обострено. Но не хочу сейчас оправдываться, бить себя в грудь и рассказывать о внутренних переживаниях. Никто не вправе упрекать меня в бесцеремонности и жестокости, я слышала много вынесла в жизни и всегда принимаю чужую боль, как собственную!

— «В тот момент не хотелось жить»
— Иногда приходится жертвовать своими эмоциями, наступать себе на горло. В день, когда умерла мама, я пошла петь. Была запись телепередачи «Песня года», ее нельзя было ни перенести, ни отменить. Мне в тот момент жить не хотелось, но я улыбалась в камеру и танцевала. Такова судьба артиста... Кто-то скажет: «Это личное, а в Беслане случилось трагедия национального масштаба». Но я не провожу границ, поскольку любая потеря невосполнима.

— Не мое дело давать советы артистам, но, может, Диана, вам следовало перечислить гонорар за тот ночной концерт в фонд помощи жертвам теракта? Все выглядело бы уже несколько иначе...
— Видимо, вы совсем меня не знаете!
— Затем и пришел — воспользоваться пробелом.
— Обидно, если могли подумывать, будто я тогда в казино пела из-за гонорара. Все абсолютно не так! Мне не нужно подкапывать, как помочь нуждающимся. Давно подумывала о создании собственного гуманитарного фонда, а Беслан подхлестнул, заставил действовать решительнее. Договорившись с МЧС, буду вместе со спонсорами участвовать в программе по психологической реабилитации пострадавших. Впрочем, речь идет не о разовой акции, хочу быть рядом не только с детьми Беслана, но и со всеми, кому нужна моя помощь.

— В нашей стране живут миллионы инвалидов, вряд ли общественные фонды смогут решить их проблемы. Это проблема государства.

— Вы абсолютно правы, но так уж складывается в России, что спасение утопающих по-прежнему остается делом рук самих идущих ко дну. Мне довелось поехать по миру, могу долго рассказывать, ссылаясь на запятанный опыт, как на Западе заботятся о людях с различными физическими недугами. Инвалиды не чувствуют себя ущербными ни в транспорте, ни в ресторане, ни в музее, ни в театре. Наверное, это

вопрос не только благосостояния государства, но и культуры общества. Мы в данном случае остаемся явными аутсайдерами. Но это не повод для капитуляции.

— Училась в школе для незрячих и представляю, как важна малейшая поддержка. Нельзя пренебрегать любой возможностью облегчить чужую жизнь. Я ведь и про холод знаю, и про изматывающую тоску одиночества, и про мучительное ожидание встречи с родителями... Не живешь, а ежесекундно ловишь звуки в надежде наконец услышать: «Диана, беги скорее! К тебе мама приехала!» Для ребенка каждый знак внимания, как озарение.

— Думаете, легко мне было уезжать из отчего дома в Сухуми в тбилисский интернат? В Абхазии негде учиться слепым детям, а родители понимали: без образования мне ничего не добиться. Всегда мечтала петь, представляла, как вырасту и стану самостоятельным, ни от кого не зависящим человеком. Сколько слез мы с мамой тогда пролили... Ужасно! Но в итоге я собралась и отправилась в Тбилиси.

— Чтобы потом сбежать домой.
— Да, вернулась в Сухуми и сказала: «Мама, я больше туда не хочу». Хотя школа у нас была очень хорошая, по тем временам — идеальная. Там работали замечательные учителя, воспитатели и нянечки, внимательные, заботливые. Они ухаживали за нами, старались сделать все, чтобы мы чувствовали себя как дома. Но это я сейчас осознаю, а тогда мечтала об одном: видеть рядом маму, своих родных. Все-таки никакой интернат не может заменить семейный очаг...

— Но вы ведь возвратились в Тбилиси.
— Мама сказала отцу: «Пусть Дианочка останется дома, если ей там так плохо». И папа согласился. Нет, меня никто не принуждал, сама все решила. Из школы приехали учителя, стали успокаивать, говорить разные хорошие слова, и я устыдилась собственной слабости. Отговала маму в сторонку и шепнула ей: «Поеду. Не могу подводить больших и уважаемых людей».

— Сколько же вам было в ту пору?
— Лет восемь. Во второй класс ходила... А почему вы удивляетесь? Я с детства больше всего не любила причинять неудобство окружающим.

— «Неадекватная физкультура»
— Книжку Рубена Гальего «Белое на черном» вы наверняка читали, Диана?
— Поразительная по силе исповедь, написанная уникальным человеком! Преклоняюсь перед ним.

— Согласны с тем, что светлого в жизни Гальего было мало?
— Это так, но... не надо нас сравнивать. Да, мне не раз делали больно, но с сознательной жестокостью я, пожалуй, никогда не сталкивалась. И сиротой себя не чувствовала, за мной стояла семья, она оберегала, как могла, помогла, во всяком случае, мне не приходилось зубами выгрызать право на существование. Призрачно: не слишком охотно рассказываю о детстве, поскольку от людей ждешь как-то равно, стою, а мне не хочется рисовать все черной краской. Я росла обычным ребенком, дружила с девочками, влюблялась в мальчишек, в меру проказничала, старалась хорошо

учиться, чтобы не огорчать родителей, но случались и двойки, и тройки. Еще, помню, физкультуру ненавидела. Словом, ничего особенного, все, как у всех. Я была и остаюсь нормальным человеком! Испытываю те же чувства, что и остальные, над тем же плачу и над тем же смеюсь. Лишь не вижу... Да, многим трудно относиться

к таким, как я, на равных, воспринимать нас в качестве полноценных людей. Неоднократно сталкивалась с неверием, когда мне охотно поддакивали, вроде бы соглашались, но я кожей чувствовала ироническую усмешку: мол, куда лезет эта слепая? Собеседник даже мысли не допускал, будто мне бы силам добиться чего-то... Хотели доказать обратное?
— В первую очередь себе! После Тбилиси поехала поступать в Гнесинку. Это был вызов. Никаких поблажек не ждала, более того, обиделась бы, если бы предложили исключительные условия. На что надеялась? Толком даже не объясню. Да, я закончила музыкальную школу по классу фортепиано, но нотную грамоту по Брайлю так и не освоила, заучивала партитуру наизусть. У меня отличный слух, могу запомнить и подобрать любую мелодию, сыграть на пианино, гитаре, народных инструментах. И голос есть, хотя в Тбилиси мне его не ставили, не разрабатывали. Проще говоря, я была девочкой-самоучкой. Но, повторяю, поступала на общих основаниях — ни жалости, ни снисхождения не ощущала. Как все стояла перед аудиторией, дрожала, волновалась... Особенно мне удался зачет, где нужно было удалять мелодии.

— С трех ног?
— Это, конечно, не телеигра, но нечто похожее. Предлагалось сорок композиций, чем больше назвешь, тем выше балл. Я справилась отлично...

— Об учебе в Гнесинке всегда вспоминаю с теплотой, это лучшие годы моей жизни.

— Но вы сейчас опять где-то учитесь?
— Не где-то, а в ГИТИСе! Или, как его теперь называют, в РАТИ. Второй курс, специальность — актер драматического театра и кино. Хочу совершенствоваться, не останавливаться на достигнутом. Из-за гастролей, когду каждый день посещать лекции, приходится заниматься по индивидуальной программе, но я много работаю, не ленюсь. Мне уже доверили главную роль в студенческом спектакле, начинаю репетировать.

— Кого играете?
— Себя. Слепую девушку...
— Вернее подумываете об актерской карьере?
— Почему бы и нет? Но если даже не стану профессионально играть в кино или в театре, знания, полученные в ГИТИСе, помогут мне на эстраде. Любой певец должен чувствовать себя хотя бы немного актером. Иначе ничего не добиться. Я так считаю...

— По-разному бывает, но не позволяю себе ожесточаться. Защем культивировать обиды, усугублять боль? Люди часто видят обложку, глянцевою сторону жизни артиста, но всегда есть и изнанка. Кто знает, каких трудов мне стоит держаться на уровне, соответствовать имиджу? Возникает масса проблем, приходится решать их ежедневно. Проще простого сорваться, разругаться со всеми, но какой в этом прок? Лучше договариваться, чем сорваться. Так или иначе, но своего обязательно добьешься, а человек упорный, всегда иду до конца, даже книжку, которая не нравится, обязательно дочитаю. Такой меня родители воспитали...

— Конечно, лишенным зрения сложно состоять в жизни, не имеет значения — в Бога, в свои силы. Чувствую себя сильным человеком, тот кто в квартире для слабовидящих детей. Мы долго разговаривали. Обшились так, словно сто лет знаем друг друга. Я видела этих мальчишек и девочек. Да, не оговорилась, видела! По голосу рисую воображаемый образ, представляю собеседника. Интонацией ведь обмануть сложнее, чем словом или даже взглядом. Поэтому редко ошибаюсь в людях. Липецкие ребята были замечательные, светлые, чистые. Мне дружно с воспитанниками такой же московской школы. Переступаю порог и словно оказываюсь в своем прошлом. Хочу, чтобы детям всегда было тепло, светло и уютно. Впрочем, не только детям.

— Последняя надежда
— Правильные слова говорите, Диана. Если бы еще подкрепили их конкретными примерами...
— Что изменится, если скажу, что оплатила операцию сонному мальчишке, который не мог ходить, лежал, разбитый параличом? Ко мне на сцену выбежала его мама и сказала: «Диана, вы наша последняя надежда». Как я могла отказать? Потом давала деньги для операции незрячей девочке, но я не в силах помочь всем, хотя и делала максимум возможного. Вы знаете, что на мои концерты ходит много инвалидов, что специально выделяю для них бесплатные билеты? Не скрою, поначалу меня смущало такое повышенное внимание. Не чувствовала себя пределом этих людей. Но потом стала получать пакки писем, авторы которых писали, как важен для них мой пример. Помню, однажды за кулисы пришла молодая женщина. Точнее, не пришла, а приехала в инвалидном кресле. Она была чемпионкой СССР по скалолазанию, пока не получила тяжелой травмы. У нас вышел душевный разговор, после которого я еще раз убедилась: не имею права сдаваться и опускать руки. На меня с надеждой смотрят десятки тысяч глаз. И я их вижу!

— Андрей Ванденко

— По-разному бывает, но не позволяю себе ожесточаться. Защем культивировать обиды, усугублять боль? Люди часто видят обложку, глянцевою сторону жизни артиста, но всегда есть и изнанка. Кто знает, каких трудов мне стоит держаться на уровне, соответствовать имиджу? Возникает масса проблем, приходится решать их ежедневно. Проще простого сорваться, разругаться со всеми, но какой в этом прок? Лучше договариваться, чем сорваться. Так или иначе, но своего обязательно добьешься, а человек упорный, всегда иду до конца, даже книжку, которая не нравится, обязательно дочитаю. Такой меня родители воспитали...

— Конечно, лишенным зрения сложно состоять в жизни, не имеет значения — в Бога, в свои силы. Чувствую себя сильным человеком, тот кто в квартире для слабовидящих детей. Мы долго разговаривали. Обшились так, словно сто лет знаем друг друга. Я видела этих мальчишек и девочек. Да, не оговорилась, видела! По голосу рисую воображаемый образ, представляю собеседника. Интонацией ведь обмануть сложнее, чем словом или даже взглядом. Поэтому редко ошибаюсь в людях. Липецкие ребята были замечательные, светлые, чистые. Мне дружно с воспитанниками такой же московской школы. Переступаю порог и словно оказываюсь в своем прошлом. Хочу, чтобы детям всегда было тепло, светло и уютно. Впрочем, не только детям.

— Последняя надежда
— Правильные слова говорите, Диана. Если бы еще подкрепили их конкретными примерами...
— Что изменится, если скажу, что оплатила операцию сонному мальчишке, который не мог ходить, лежал, разбитый параличом? Ко мне на сцену выбежала его мама и сказала: «Диана, вы наша последняя надежда». Как я могла отказать? Потом давала деньги для операции незрячей девочке, но я не в силах помочь всем, хотя и делала максимум возможного. Вы знаете, что на мои концерты ходит много инвалидов, что специально выделяю для них бесплатные билеты? Не скрою, поначалу меня смущало такое повышенное внимание. Не чувствовала себя пределом этих людей. Но потом стала получать пакки писем, авторы которых писали, как важен для них мой пример. Помню, однажды за кулисы пришла молодая женщина. Точнее, не пришла, а приехала в инвалидном кресле. Она была чемпионкой СССР по скалолазанию, пока не получила тяжелой травмы. У нас вышел душевный разговор, после которого я еще раз убедилась: не имею права сдаваться и опускать руки. На меня с надеждой смотрят десятки тысяч глаз. И я их вижу!

— Андрей Ванденко

— По-разному бывает, но не позволяю себе ожесточаться. Защем культивировать обиды, усугублять боль? Люди часто видят обложку, глянцевою сторону жизни артиста, но всегда есть и изнанка. Кто знает, каких трудов мне стоит держаться на уровне, соответствовать имиджу? Возникает масса проблем, приходится решать их ежедневно. Проще простого сорваться, разругаться со всеми, но какой в этом прок? Лучше договариваться, чем сорваться. Так или иначе, но своего обязательно добьешься, а человек упорный, всегда иду до конца, даже книжку, которая не нравится, обязательно дочитаю. Такой меня родители воспитали...

— Конечно, лишенным зрения сложно состоять в жизни, не имеет значения — в Бога, в свои силы. Чувствую себя сильным человеком, тот кто в квартире для слабовидящих детей. Мы долго разговаривали. Обшились так, словно сто лет знаем друг друга. Я видела этих мальчишек и девочек. Да, не оговорилась, видела! По голосу рисую воображаемый образ, представляю собеседника. Интонацией ведь обмануть сложнее, чем словом или даже взглядом. Поэтому редко ошибаюсь в людях. Липецкие ребята были замечательные, светлые, чистые. Мне дружно с воспитанниками такой же московской школы. Переступаю порог и словно оказываюсь в своем прошлом. Хочу, чтобы детям всегда было тепло, светло и уютно. Впрочем, не только детям.

— Последняя надежда
— Правильные слова говорите, Диана. Если бы еще подкрепили их конкретными примерами...
— Что изменится, если скажу, что оплатила операцию сонному мальчишке, который не мог ходить, лежал, разбитый параличом? Ко мне на сцену выбежала его мама и сказала: «Диана, вы наша последняя надежда». Как я могла отказать? Потом давала деньги для операции незрячей девочке, но я не в силах помочь всем, хотя и делала максимум возможного. Вы знаете, что на мои концерты ходит много инвалидов, что специально выделяю для них бесплатные билеты? Не скрою, поначалу меня смущало такое повышенное внимание. Не чувствовала себя пределом этих людей. Но потом стала получать пакки писем, авторы которых писали, как важен для них мой пример. Помню, однажды за кулисы пришла молодая женщина. Точнее, не пришла, а приехала в инвалидном кресле. Она была чемпионкой СССР по скалолазанию, пока не получила тяжелой травмы. У нас вышел душевный разговор, после которого я еще раз убедилась: не имею права сдаваться и опускать руки. На меня с надеждой смотрят десятки тысяч глаз. И я их вижу!

— Андрей Ванденко

— По-разному бывает, но не позволяю себе ожесточаться. Защем культивировать обиды, усугублять боль? Люди часто видят обложку, глянцевою сторону жизни артиста, но всегда есть и изнанка. Кто знает, каких трудов мне стоит держаться на уровне, соответствовать имиджу? Возникает масса проблем, приходится решать их ежедневно. Проще простого сорваться, разругаться со всеми, но какой в этом прок? Лучше договариваться, чем сорваться. Так или иначе, но своего обязательно добьешься, а человек упорный, всегда иду до конца, даже книжку, которая не нравится, обязательно дочитаю. Такой меня родители воспитали...

— Конечно, лишенным зрения сложно состоять в жизни, не имеет значения — в Бога, в свои силы. Чувствую себя сильным человеком, тот кто в квартире для слабовидящих детей. Мы долго разговаривали. Обшились так, словно сто лет знаем друг друга. Я видела этих мальчишек и девочек. Да, не оговорилась, видела! По голосу рисую воображаемый образ, представляю собеседника. Интонацией ведь обмануть сложнее, чем словом или даже взглядом. Поэтому редко ошибаюсь в людях. Липецкие ребята были замечательные, светлые, чистые. Мне дружно с воспитанниками такой же московской школы. Переступаю порог и словно оказываюсь в своем прошлом. Хочу, чтобы детям всегда было тепло, светло и уютно. Впрочем, не только детям.

— Последняя надежда
— Правильные слова говорите, Диана. Если бы еще подкрепили их конкретными примерами...
— Что изменится, если скажу, что оплатила операцию сонному мальчишке, который не мог ходить, лежал, разбитый параличом? Ко мне на сцену выбежала его мама и сказала: «Диана, вы наша последняя надежда». Как я могла отказать? Потом давала деньги для операции незрячей девочке, но я не в силах помочь всем, хотя и делала максимум возможного. Вы знаете, что на мои концерты ходит много инвалидов, что специально выделяю для них бесплатные билеты? Не скрою, поначалу меня смущало такое повышенное внимание. Не чувствовала себя пределом этих людей. Но потом стала получать пакки писем, авторы которых писали, как важен для них мой пример. Помню, однажды за кулисы пришла молодая женщина. Точнее, не пришла, а приехала в инвалидном кресле. Она была чемпионкой СССР по скалолазанию, пока не получила тяжелой травмы. У нас вышел душевный разговор, после которого я еще раз убедилась: не имею права сдаваться и опускать руки. На меня с надеждой смотрят десятки тысяч глаз. И я их вижу!

— Андрей Ванденко

— По-разному бывает, но не позволяю себе ожесточаться. Защем культивировать обиды, усугублять боль? Люди часто видят обложку, глянцевою сторону жизни артиста, но всегда есть и изнанка. Кто знает, каких трудов мне стоит держаться на уровне, соответствовать имиджу? Возникает масса проблем, приходится решать их ежедневно. Проще простого сорваться, разругаться со всеми, но какой в этом прок? Лучше договариваться, чем сорваться. Так или иначе, но своего обязательно добьешься, а человек упорный, всегда иду до конца, даже книжку, которая не нравится, обязательно дочитаю. Такой меня родители воспитали...

— Конечно, лишенным зрения сложно состоять в жизни, не имеет значения — в Бога, в свои силы. Чувствую себя сильным человеком, тот кто в квартире для слабовидящих детей. Мы долго разговаривали. Обшились так, словно сто лет знаем друг друга. Я видела этих мальчишек и девочек. Да, не оговорилась, видела! По голосу рисую воображаемый образ, представляю собеседника. Интонацией ведь обмануть сложнее, чем словом или даже взглядом. Поэтому редко ошибаюсь в людях. Липецкие ребята были замечательные, светлые, чистые. Мне дружно с воспитанниками такой же московской школы. Переступаю порог и словно оказываюсь в своем прошлом. Хочу, чтобы детям всегда было тепло, светло и уютно. Впрочем, не только детям.

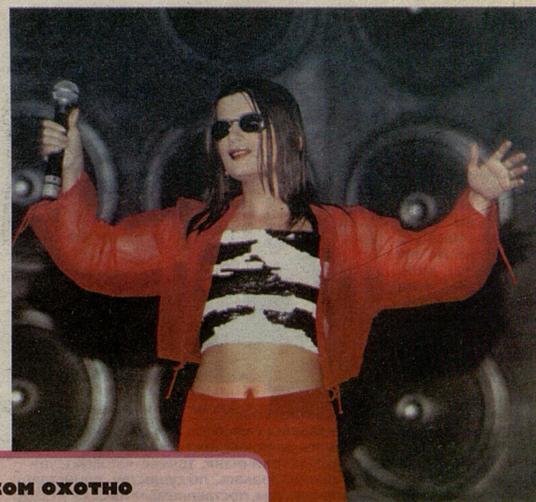

фото: Свѣта Абдраманова

«Нотную грамоту по Брайлю так и не освоила, заучивала партитуру наизусть. Проще говоря, я была девочкой-самоучкой.»